

— Твоего жениха зовут Чу Суй, он старше тебя на три года.

Восемнадцать лет назад, когда мятеж еще не вспыхнул, а князь Цзин-ван жил в столице, — они были в отличных дружеских отношениях с чиновником палаты министров Чу Юнем. Когда княгине только сообщили о долгожданной беременности, семья Чу преподнесла им богатые дары. Отношения между домами были столь тесными, что они дали слово: если у княгини родится девочка, её отдадут за младшего сына Чу. Позже лекарь из императорской лечебницы пощупал пульс княгини и уверенно заявил, что будет девочка, после чего семьи официально обменялись памятными знаками. Узнав об этом, император собственной рукой скрепил их союз высочайшим указом.

Кто же знал, что старый лекарь ошибается диагнозом, и на свет появится мальчик? Из-за такой досадной путаницы помолвку следовало бы расторгнуть. Но как назло грянул мятеж Цзянь-вана, и императору стало не до семейных уговоров. После подавления смут Цзин-ван попал в опалу как близкий сподвижник мятежника и был сослан в Линчжоу, потеряв по дороге ребёнка; а министр Чу Юнь, пытавшийся заступиться за опального князя, лишился поста и тоже угодил в ссылку. О помолвке больше никто не вспоминал.

Князь вздохнул:

— Теперь, когда ты вернулся, этот союз, разумеется, нужно аннулировать. В день твоего возвращения мы отправили в дом Чу письмо и вернули их семейную реликвию. Только что старина Чу прислал ответ: на днях его младший сын прибудет в родовое гнездо в Линчжоу, чтобы совершить жертвоприношения на могилах предков, заодно привезёт наш оберег. Обменяемся вещами обратно — считай, помолвка расторгнута.

Произнося эти слова, князь с супругой выглядели озабоченными.

Мусяо, хоть и не видел их лиц отчетливо, уловил в их голосах тревогу и недосказанность. Поразмыслив немного, он осторожно предположил:

— Отец с матерью переживают из-за того, что брак был заключен по воле императора? Если мы расторгнем его тайком, император прогневается?

Княгиня ласково погладила его по голове:

— Именно так, Сяо-сяо у нас очень умен.

Князь тяжело вздохнул:

— Я отправил в столицу официальное донесение с объяснением причин, но ответа, как водится, ждать до второго пришествия.

Стыдно признаться: за все эти годы я ездил в столицу лишь единожды, да и то пять лет назад, когда царство Ци сокрушило государство Пяоян, и мне даже не довелось вымолвить и слова перед лицом императора.

Мусяо нахмурился. Разве император — не отец его отца? Почему он такой жестокосердный? Но, поразмыслив о годах бродячей жизни, когда ему доводилось насмотреться на родителей, продававших собственных детей ради куска хлеба, он понял: бессердечных и алчных людей кругом полно. Чего же ждать от императорского дома, о котором рассказчики в чайных

толковали исключительно как о месте, где «кровные родственники грызутся за власть» и «нет ничего холоднее трона»?

В общем, ничего удивительного.

Он неуклюже поднял руку и, подражая матери, легонько похлопал отца по тыльной стороне ладони:

— Если император рассердится, я встану перед вами и приму весь гнев на себя. Все равно глаза мои видят плохо, так что испугаться его величества я попросту не успею. К тому же... даже если он рассердится, мы с сыном господина Чу — оба мужчины, не может же он насильно заставлять нас играть свадьбу по указу?

Рассуждая так, Мусяо вдруг усомнился: а ведь этот император вполне способен выкинуть и не такое! Опешив от собственной догадки, он бормотал:

— Впрочем, если деваться будет некуда... что ж, женюсь я тогда на этом господином Чу...

В конце концов, за годы скитаний он насмотрелся всякого. Мужчина с мужчиной — если люди любят друг друга, почему бы и нет?

Княгиня сквозь слезы рассмеялась:

— Глупый мальчишка, как же могут пожениться двое мужчин?

Услышав слова сына, князь почувствовал огромное облегчение, и половина его тревог испарилась:

— Не бойся, Сяо-сяо. Во-первых, мы, скорее всего, до конца дней не выберемся из Линчжоу, и император давно забыл о моём существовании; а даже если случится чудо и мы вернёмся, ругать будут только твоего отца.

Разобравшись с этим вопросом, оставалось лишь дожидаться прибытия жениха Чу Суя в Линчжоу для возвращения залогов. Однако прошли десяток дней, а от молодого господина не было ни вести. Посланные князем люди донесли, что Чу Суй прибыл в город давно, но на многократные приглашения отца отвечал через слугу, что занят делами в родовом имении и не может отлучиться.

Князь сказал управляющему Суну:

— Раз так, подождём еще. Через пару дней пригласим его снова и передадим, что много времени это у него не отнимет.

— Слушаюсь, — ответил Сун-бо.

Больше родители ничего не обсуждали, велев Мусяо вернуться к лепке шариков из зеленой фасоли. Мусяо внутренне удивился: вряд ли этот жених действительно был настолько занят. Ходили слухи, что он весьма амбициозен, а раз избегает встреч, возможно, просто соблюдает осторожность? В конце концов, оба их рода пострадали из-за мятежа Цзянь-вана.

Раз старшие не поднимали эту тему, Мусяо тоже расспрашивать не стал. Аккуратно уложив слепленные заготовки в новенькие деревянные формы, он получил ровные, аккуратные

брусочки зеленых пирожных.

Попробовав один кусочек, он ощутил нежный травяной аромат. Радостно отложив парочку для родителей — в конце концов, он приготовил их своими руками! — Мусяю вдруг погрузтел: учитель такое уже не попробует.

Княгиня рассыпалась в похвалах и помогла аккуратно уложить свежую выпечку в изящную деревянную шкатулку.

Внезапный порыв ветерка пошевелил кроны сирени. Прижимая к груди тяжелую шкатулку, Мусяю нервно сжал кулаки и торжественно вручил подарок слуге Ань-туну со словами:

— Интересно, понравится ли А-Сяню этот вкус? Надеюсь, он скоро остынет и вернётся домой.

*

Улица Чаннин-цзе, задний двор усадьбы семьи Фэн.

Асянь с грохотом откинул крышку шкатулки и высыпал содержимое на стол. На ярко-зеленых пирожных красовались кривые иероглифы «Сянь», перемежающиеся с не менее корявыми знаками «Сяо».

"Что за уродливый почерк! И ведь не поленился же форму сделать!"

Чем дольше Асянь разглядывал угощение, тем сильнее закипал в нем гнев. Злоба переполнила душу, и он с кулаком набросился на пирожные с оттиском «Сяо».

"Ненавистный Чжао Мусяю!"

У свежеприготовленных сладостей оказалась незавидная судьба: под градом железных ударов кулака квадратные брусочки превратились в плоские лепешки, а затем и вовсе в крошки.

Несколько дней назад, когда родители присылали за ним людей, он вернулся домой, но упрямо отказался извиняться перед братом, из-за чего они снова поругались, и он в сердцах опять сбежал. Присылать ему сладости именно сейчас — чистой воды показуха и издевательство со стороны этого выскочки!

Со злости укусив уцелевшее пирожное, Асянь разделил оставшиеся со своим приятелем Фэн Юньжуем и выпалил:

— Родители отродясь не лепили со мной вместе никакие сладости!

Фэн Юньжуй провёл пальцем по кривым строчкам и не смог сдержать презрительной усмешки:

— Он пытается вывести тебя из себя. Поддашься на провокацию — считай, проиграл. Мой дед всегда говорил: «Гнев помрачает разум, а беспорядок в мыслях ведёт к беде».

Асянь призадумался. В словах друга был резон. Именно из-за того, что он не сумел сдержать эмоций, он переругался с родителями и сбежал из дому, покрыв себя позором!

Отломив еще кусочек, Асянь закивал:

— Верно говоришь! Бесит до чёртиков, а мастерски прикидываться сиротой-овечкой он мастак!

— Раз этот человек много лет провёл на улице, он искусен в интригах и притворстве, — глубокомысленно заметил Юньжуй. — И тебя должно волновать другое: пусть он слеп, но он — старший сын. Если он сейчас так усердно втирается в доверие к князю, его конечная цель — отнять у тебя право на титул и наследство.

Асянь остолбенел. Запоздалое озарение ударило его по голове, и он с грохотом хлопнул ладонью по столу:

— Точно! Как же я не додумался! И... что же мне делать?

Видя, что друг наконец-то включил голову, Фэн Юньжуй продолжил развивать мысль:

— Главная его уязвимость — глаза. Как человек с таким недугом сможет управлять поместьем? Тебе нужно лишь укрепить свои позиции в глазах родителей, чтобы они во всем полагались на тебя. Но пока ты отсиживаешься на чужой стороне, этот слепец забирает все лавры себе. Вдруг он начнёт нашептывать князю гадости о тебе?

— Верно, ты тысячу раз прав!

Стоило Асяню представить, как Чжао Мусяю наговаривает на него родителям, как усидеть на месте стало невозможно. В панике запихнув в рот еще пару пирожных, он засуетился:

— Мне срочно нужно домой! Спасибо за науку, брат Юньжуй!

Он стрелой вылетел из комнаты, но через пару секунд вернулся:

— Ах да, остатки пирожных забирай себе.

Сам же он бережно собрал рассыпавшиеся под его ударами крошки в небольшой тканевый мешочек, бормоча под нос:

— Пусть на вкус они отвратительны, но матушка учила, что еду выбрасывать нельзя.

Попрощавшись с хозяином дома, Асянь двинулся в путь. Сначала он остановился в гостевом доме, но теперь, решив вернуться, велел слуге Цзи-туну собрать вещи. Обрадованный слуга едва не плясал от радости: наконец-то юный господин поумнел!

По дороге домой Асянь время от времени запускал пальцы в мешочек и жевал сухие крошки зелёной фасоли. К тому моменту, как они добрались до резиденции Цзин-вана, мешочек опустел. Швырнув его на пороге, Асянь смачно икнул:

— Гадость редкостная.

Цзи-тун лишь почтительно ухмылялся: всю дорогу жевал эту сухомятку, конечно, гадость.

Слуги как раз собирались отворить ворота, когда навстречу им вышел парень в одежде слуги ученого мужа. Протянув швейцару конверт, он произнес:

— Письмо от нашего молодого господина Чу, передайте князю, пожалуйста.

Асянь тут же перехватил послание:

— Фамилия Чу? Тот самый жених Чжао Мусяо?

— Именно так, — поклонился посыльный.

Хотя Асянь жил вне дома, верный Цзи-тун исправно докладывал ему обо всем, что происходило в поместье, так что он был в курсе всех новостей.

— А ваш господин больно важен! — скривился Асянь и затянул едкую тираду: — От Юйчжоу до Линчжоу пути-то всего дней четыре-пять, а он мотается неизвестно где столько времени. Мой отец звал его на пиры черт знает сколько раз, а он всё нос воротит. Спорим, он просто видеть нас не желает! Не хочет — и не надо, прислал бы вещь обратно, так нет же, тянет кота за хвост, важничает! Терпеть не могу таких снобов!

Посыльный покраснел от стыда, скомкано поклонился и поспешно ретировался.

Сбросив пар, Асянь почувствовал себя превосходно. Вернув взгляд к письму, он лукаво усмехнулся. Не докладывая никому из старших, он проскользнул в свою комнату задним путем, вскрыл конверт и заглянул внутрь.

Он ожидал увидеть там очередную порцию лицемерных отговорок, но к своему удивлению обнаружил приглашение на свидание для... Чжао Мусяо.

На лице Асяня расплылась ехидная улыбка. Схватив кисть, он ловко внёс в текст несколько правок, после чего аккуратно подул на свежие чернила.

*

«Завтра в третью стражу утра [около 9:00], у беседки Цинлань-тин»?

В гостиной княгиня удивленно подняла брови:

— Беседка Цинлань-тин находится на дорожке к бамбуковым холмам в Западном пригороде, отсюда добрых полчаса езды. С чего это вдруг назначать встречу в такой глуши?

Мусяо крутил в руках листок бумаги, вглядываясь в расплывчатые чернильные кляксы.

Асянь картинно кашлянул в кулак:

— Ну, он же у нас страшно благородный человек, вот и выбирает места не такие, как все. В Цинлань-тин красивейшие виды, наверняка по вкусу этому господину Чу. К тому же, сколько раз отец звал его на обеды, а он не являлся — хам невоспитанный, чего еще от него ждать?

Мусяо похлопал ресницами, пытаясь разглядеть расплывчатую тучную фигурку брата, и слегка удивился.

Асянь тут же насупился:

— Чего пялишься?! Ты что, идти передумал?

Заметив, что брат соизволил заговорить с ним напрямую, Мусяо радостно помотал головой и отчетливо выговорил:

— Пойду. Раз господин Чу прислал письмо, я обязан явиться.

Князь недоверчиво перечитал послание пару раз и вздохнул:

— Раз уж сын старого друга назначил встречу, отказаться неудобно. Сяо-сяо, мы с матерью не сможем поехать с тобой, но не бойся, я отправлю лучших стражей для твоей охраны.

Князь приглашал Чу Суя неоднократно, но тот неизменно отказывался. Теперь же он прислал весточку, приглашая одного лишь Мусяо на личную встречу вне стен поместья. Истинные намерения жениха были прозрачны как стекло. Ну и ладно — забрать оберег обратно и закрыть эту тему раз и навсегда.

Под напутствия родителей Мусяо выпил отвар для успокоения глаз, подумал о предстоящей встрече с загадочным женихом и спокойно отошёл ко сну.

Ранним утром следующего дня он умылся, облачился в новое платье, сшитое матушкой, и уселся в карету, направляющуюся в Западный пригород. Асянь увязался следом, но потребовал себе отдельный экипаж.

Спустя полчаса они прибыли на место. Дорога заняла ровно столько, сколько требовалось.

Беседка Цинлань-тин притаилась у подножия холма, с трех сторон окружена густым бамбуковым лесом, чьи тени покачивались в такт дуновениям ветра. Позади неё струилась река, зеркальная гладь которой отражала далекие зеленые пики.

Мусяо заговорил с Асянем через окошко, справляясь, понравились ли тому фасолевые пирожные.

Учеников сегодня отпустили на отдых, а Асянь из-за раннего подъема зевал во всю мочь, привыкнув спать до полудня:

— Гадость! И почерк твой — уродство уродливое!

— Значит, А-Сянь все-таки попробовал моё угощение, — простодушно усмехнулся Мусяо. — Я ведь грамоте не учился, писать толком не умею, те иероглифы выводил долго-долго...

Асяня клонило в сон, и он, не дослушав брата, бросил: «Позовешь, когда приедет», — и завалился спать в глубине кареты.

Мусяо со слугой Ань-туном поднялся в беседку.

Летний зной здесь, у подножия покрытых утренней дымкой холмов, сменялся прохладой и покоем. Чинно усевшись на каменную скамью, Мусяо прислушивался к щебетанию птиц в ветвях, поднимал голову, наблюдая за дрожащей листвой и солнечными лучами, пробивающимися сквозь полог леса. Перед его глазами мир по-прежнему оставался окутанным

мягкой, призрачной дымкой.

Назначенное время давно миновало, и Ань-тун заволновался:

— Куда же запропастился этот молодой господин Чу?

Цзи-тун, помня наставления младшего господина, поспешно успокоил его:

— Наверное, в дороге задержался, подождем еще немного.

Сам Мусяо ничуть не тревожился. Просидев в ожидании около получаса, он проводил взглядом три пары путников, проехавшую мимо карету, возвращающегося с горы сборщика трава с бамбуковым коробом за плечами и рыбака, забрасывающего сеть с лодки. Не было лишь человека в белых одеждах — его заочного жениха.

Устав сидеть неподвижно, Мусяо поднялся размять ноги. Заметив в бамбуковых зарослях подходящий ствол, он вспомнил, как учитель учил его вырезать полые свирели-сяо для успокоения духа. Не зная, чем заняться, он спустился к реке, ополоснул бамбук, развел костер с помощью кремня, чтобы просушить и выровнять стебель, после чего достал из сапога кинжал, обрезал лишние узлы и, отыскав в чаще тонкий железный прут, прочистил сердцевину.

Ань-тун с Цзи-туном остолбенели, переглядываясь в полном оцепенении.

"Как же так? С виду такой безобидный парень, а при нем и огниво, и кинжал, и силища какая — голыми руками бамбук строгает!"

В этот момент проснувшись Асянь высунулся из кареты, рассчитывая увидеть взволнованного и злого брата, но вместо этого застал того за спокойным изготовлением музыкального инструмента. Асянь аж зубами закрипел от злости, мысленно обозвав его тупицей: "и ведь хватает же терпения ждать столько времени!"

Заметив проснувшегося брата, Мусяо махнул ему рукой, приглашая подойти ближе.

Но Асянь демонстративно отвернулся, залетел обратно в экипаж и рывкнул:

— Сам возись!

Он решил отправиться на поиски, чтобы воочию посмотреть на этого «господина Чу» и вдоволь позлорадствовать.

Оставшись один, Мусяо продолжил вырезать отверстия. Раз жених задерживался, он был готов подождать еще. К тому же пейзажи вокруг Цинлань-тин оказались на редкость умиротворяющими.

Прошёл еще час-полтора. Ань-тун уже дремал, устроившись на каменном столе беседки, когда Мусяо, замерший с кинжалом в руке над мундштуком свирели, уловил донесшийся с реки аппетитный запах готовящейся еды, а вслед за ним — легкий перестук конских копыт по опавшим листьям.

Навострив уши, Мусяо повернул голову на южную бамбуковую тропу. Мгновение спустя сквозь пятнистые тени деревьев проступил сияющий силуэт. Приглядевшись, он различил всадника в белоснежных одеждах, неторопливо едущего навстречу солнечному свету.

Конские шаги приближались, всадник остановился прямо у подножия беседки.

Чжао Мусяо с заторможенным видом задрал голову и посмотрел на всадника, сообразив, что промелькнувший секунду назад блеск вполне мог исходить от вещицы, которую тот зацепил на пальце.

Заметив, что тот остановился прямо перед ним и не собирается ехать дальше, Чжао Мусяо невольно занервничал.

А-Тун обладал зорким глазом и тут же поспешил шепнуть ему на ухо:

— Старший молодой господин, это он! Дядя Сунь говорил мне, что в своё время залогом помолвки между двумя семьями служила пара нефритовых подвесок с изображением играющих детей. Это точь-в-точь та самая, что у него в руке!

Чжао Мусяо внезапно всё понял и спросил:

— Вы молодой господин фамилии Чу?

Молодой человек в белых одеждах, судя по всему, наклонился, чтобы получше разглядеть его вблизи, но отвечать не стал.

Чжао Мусяо не мог разглядеть его мимику в деталях, но А-Тун тут же затараторил:

— Молодой господин, он не отрицает! Он тебя рассматривает! Точно фамилии Чу!

Белые одежды, залог помолвки, фамилия Чу.

Значит, это он и был!

Если подумать, Чжао Мусяо прождал его целое утро, больше двух с лишним часов!

Чжао Мусяо почувствовал лёгкую обиду и досаду:

— Чего же вы так долго? Я уже проголодался.

Шелестел лесной ветер, ярко сияло солнце.

Чжао Мусяо смотрел на него.

Жених по какой-то причине ненадолго замолчал и лишь затем произнёс:

— Ждал долго?

<http://bllate.org/book/18550/1792995>